

воли, отсылает нас к очередному шедевру экзистенциалистской литературы – пьесе С. Беккета «В ожидании Годо».

В своей резкой критике романа Стайрона Аллен Холдер совершенно справедливо замечает: «*Стайрон подхватил часто упоминающееся в наши дни объяснение волнений черных, которые мы переживаем, значительно усилил его и перенес в прошлое*» [4, р. 182]. В этом признании скрыта и жанровая характеристика романа, и его оправдание. Роман философский, параболический, каким является «Признания Ната Тернера», в большей степени связан с современностью, чем с историей, по сравнению с романом объективно-эпического типа, более подчинен осмыслению современности, позволяя себе во исполнение этой задачи более вольное обращение с историческими фактами. Эта черта романа Стайрона как романа философского нашла точное выражение в авторском предисловии к роману, в котором он определяет свое произведение как «размышление на историю».

Список использованных источников

1. Woodward Van C., C. The Confessions of a Rebel: 1831 / C. Van Woodward. – New Republic. 1967. – 327 p.
2. Aptheker, H. A Note on the History / H. Aptheker // Nation. – 1967 – 16 Oct. – P. 375–376.
3. Styron, W. William Styron's Nat Turner: Ten Black Writers Respond / W. Styron. – Boston, 1969. – 120 p.
4. Holder, A. The Imagined Past / A. Holder. – London, Toronto, 1980. – 204 p.
5. Мулярчик, А. Спор идет о человеке / А. Мулярчик. – М., 1985. – 359 с.
6. Денисова, Т. Экзистенциализм и современный американский роман / Т. Денисова. – Киев, 1985. – 246 с.
7. Styron, W. The Confessions of Nat Turner / W. Styron. – New York, 1968. – 448 p.
8. Olderman, R.M. Beyond the Waste Land / R.M. Olderman. – New Haven; London, 1976. – 347 p.

Б. М. Проскурнин

«САМОПОМОЩЬ» СЭМЮЭЛЯ СМАЙЛСА И ВИКТОРИАНСКИЙ РОМАН: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Знатоки и любители творчества Чарльза Диккенса наверняка хорошо помнят финал одного из лучших его романов о ложных и истинных ценностях того времени – «Большие надежды» (*Great Expectations*, 1861), когда герой-рассказчик, Филип Пирип (Пип), подводя итоги своей жизни

в течение одиннадцати лет после гибели его тайного покровителя Абея Мэгвича, говорит, имея в виду работу в компании своего верного друга Герберта Покета: *«Мы не вершили особенно крупных дел, но пользовались добрым именем, и честно трудились, и жили безбедно. Столь многим мы были обязаны неиссякаемой энергии и бодрости Герберта, что я часто удивлялся, как он мог произвести на меня впечатление человека, не приспособленного к жизни, пока в один прекрасный день меня не осенила мысль, что неприспособленным-то, пожалуй, был в то время не он, а я»* [1, с. 375].

Дидактичность этих размышлений очевидна: Пип на протяжении всего романа, подавляя свои природные качества и ориентируясь на ложные представления и идеалы, не замечал, что рядом с ним находится благородный человек, настоящий джентльмен не столько по происхождению и статусу, сколько по душевному и нравственному складу. Нетрудно заметить, что Диккенс акцентирует в характере Герберта «неиссякаемую энергию и бодрость» – качества, особенно ценные в общественном сознании того времени. Не случайно, что сразу же после этой констатации истинного джентльменства Герберта, писатель рисует финальную встречу Пипа с верным другом и еще большим джентльменом не по происхождению, а по душевной и духовной составляющим – кузнецом Джо Гарджери. Нетрудно заметить, что именно люди труда, спокойно и без аффекта делающие свое дело, являются, по Диккенсу, носителями истинного человеческого благородства. Как тут не вспомнить Т. Карлейля с его апологией труда как чего-то *«облагораживающего и даже священного»*, утверждавшим, что *«уже одно желание трудиться ведет все ближе и ближе к истине, к тем законам и предписаниям природы, которые суть истина»* [2].

Одним из главных викторианских апологетов труда, настойчивости терпения, энергии и бодрости как базовых характеристик современника выступает шотландский педагог и этик Сэмюэль Смайльс (*Samuel Smiles; 1812 – 1904*). Со словами героя Диккенса абсолютно перекликаются следующие размышления Смайльса в его знаменитой книге: *«...труд, даже в самых скромных слоях общества, доставляет человеку и доброе имя и обеспеченное довольство»* [3, с.17].

В 1859 г. в Британии появились три работы, программные для викторианской эпохи, много о ней сообщающие и многое в ней уже обобщающие, при всем том, что конец эпохи еще весьма далек: «О свободе» (*On Liberty*) Джона Стюарта Милля, «Самопомощь» (*Self-Help*) Сэмюэля Смайльса и «Происхождение видов» (*On the Origin of Species*)

Чарльза Дарвина. Британский литературовед Шон Пёрчейз справедливо подчеркивает, что эти три книги отражают центральность концепции автономности человека в идеологической парадигме времени; они, пишет литературовед, *«либо напрямую имеют дело с индивидуумом, либо оправдывают идеологию индивидуализма»* [4, с. 81]. Хотя книга Милля, а тем более труд Дарвина, в отличие от книги Смайлса, напрямую не работают с понятиями викторианского этоса, однако очевидно, что поставленные в них проблемы и акценты, особенно идеи свободы личности, а значит и ее ответственности и обязанностей как *«социального (политического – в аристотелевском смысле), животного»*, как и концепция естественного отбора и связанная с нею идея борьбы за выживание, в которой побеждает (выживает) сильнейший, впоследствии *«перенесенная»* в мир людей Гербертом Спенсером, совершенно совпадают со столь распространенной в викторианской этике концепцией сильного характера. В этом отношении конгениально всему пафосу эпохи звучит главная идея книги Смайлса: самосовершенствование человека как условие успеха не только индивидуума, но и всего общества.

Как известно, дарвиновская теория эволюции привела к концептуальной революции не только в биологии, ее значение выходило далеко за рамки естествознания: дарвиновские открытия способствовали укреплению динамичного взгляда на жизнь как целое; *«после Дарвина»* природа, а вместе с нею и мир, стали восприниматься как *«место продолжающейся творческой активности с человеком как существом, возникшим в качестве продукта органической эволюции на планете»* [5, с. 7]. Добавим сюда значительный вклад идей Дарвина в прогрессистское по сути мировидение викторианцев; вновь вспомним Герберта Спенсера и его утверждение: *«Progress, therefore, is not an accident, but a necessity»* (цит. по [6, с. 37]). И вспомним мысль самого Ч.Дарвина о том, что *«естественный отбор работает целиком во имя добра для каждого, все телесные и ментальные способности человека неизбежно будут стремиться к совершенству»* (цит. по [6, с. 37 – 38]). Не менее значим для эпохи и для британского менталитета в целом эмпиризм, доминирующий и по сути определяющий весь смысл книги Дарвина

«Происхождение видов»³.

Книги «О свободе» Милля и «Самопомощь» Смайлса составляют своеобразную «дилогию», некое единство с точки зрения декларирования основных викторианских ценностей и практик (теория и практика у викторианцев принципиально неотделимы, более того, столь же принципиально практика предшествует всяким теоретическим обобщениям). Прежде всего, имеются виду те этико-нравственные ценности, которые лежат в основании викторианской аксиологии в целом: оптимизм, полезность, прагматичность, практичность, реалистичность, респектабельность, настойчивость, основательность, искренность и др. (см. об этом подробнее [6]). Если Милль как мыслитель «работает» на уровне обобщений, то Смайлс как бы «переводит» миллевские формулы на язык повседневного существования викторианца. Правы те исследователи, которые полагают «Самопомощь» *«квинтэссенцией моральных норм и ценностей викторианской эпохи» и справедливо считают Смайлса «одним из создателей викторианского мифа»* [7, с. 158].

Эти книги отражают господство в общественном сознании того времени основных постулатов *либерализма* в его позитивистском, т. е. эмпирико-утилитаристском, прочтении; и прежде всего – тех из них, которые лежат в основании викторианской аксиологии, отвечая идеологическим и нравственным постулатам среднего класса – экономического, социального, культурного, морального «мотора» викторианской эпохи. Имя Джона Стюарта Милля известно больше, его называют апологетом классического либерализма, его труды широко изучаются, к ним непременно обращаются, говоря о нравственно-социальных составляющих викторианства (см., например, [8]). Имя Сэмюэля Смайлса известно много меньше, хотя его «Самопомощь» переводилась и публиковалась в большинстве ведущих стран Европы и в США, а в дореволюционной России (как правило, в извлечениях) она публиковалась более десяти раз. Смайлса прежде всего числят по списку ярких и своеобразных педагогов и дидактов времени, а известный

³ Об отражении в британской литературе дарвиновских идей, подходов и методологии в свое время замечательно написали Джиллиан Биир и Джордж Левин. См.: Beer G. Darwin's Plot: Evolutionary Narrative in Darwin, George Eliot and Nineteenth-Century Fiction. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 318 p.; первое издание книги – в 1983 г.; Levine G. Darwin and the Novelists: Patterns of Science in Victorian Fiction. Boston: Harvard University Press, 1988. 319 с. В 1969 г. Джон Фаулз в романе «Женщина французского лейтенанта» (*The French Lieutenant's Woman*) одним из первых ярко смоделировал влияние дарвиновской теории на викторианское общество и его интеллектуальную элиту.

британский историк Аса Бриггс называет Смайлса «одним из наиболее важных пропагандистов» ценностей средневикторианского времени [9, с. 124]. Еще прямее высказался Уинстон Черчилль в четвертом томе «Истории англоязычных народов» (1956): *«Достоинство и почтительность были ценностями того времени. Поскольку идеалом джентльмена по-прежнему восхищались, то человек, сделавший себя сам, также пользовался глубоким уважением. Доктрина трудолюбивой самопомощи, проповедуемая Сэмюэлем Смайлсом, была широко популярна в средних классах, а также среди многих ремесленников»* [10, с. 70]

Ко времени выхода в свет этих трех книг начала оформляться определённая социальная стабильность британского общества после бурных и «голодных сороковых», и страна пережила ряд событий, сыгравших важную роль в социальной, политической, нравственной и культурной динамике ее развития.

К 1846 г. «потух» очаг чартизма, формально не реализовав основные идеи Хартии (они будут реализованы позднее и постепенно), но по сути приобщив стремительно растущий средний класс к обостренному социально-политическому мышлению и политической практике, показав, каким лидером социальных движений он может быть. К середине века Британия стала ведущей экономической силой мира: Всемирная выставка 1851 г. в Лондоне, мировое лидерство во многих отраслях промышленности, торговле, банковском деле – тому доказательство. К этому времени отгремела Крымская война 1853 – 1856 гг., которая обнажила многие проблемы государственного управления, социального, военного и политического менеджмента, главным образом бюрократического характера, обозначила как «болезнь» коррупционность ряда властных структур. Одновременно война всколыхнула общественное сознание и убедила викторианский социум в важности и даже необходимости существования общественных организаций, т.е. она способствовала формированию и ускорению деятельности институтов гражданского общества, не говоря уже о мощном росте роли общественного мнения и его, пожалуй, главного института – свободной прессы. Освещение Крымской войны в «Таймс», ставшее настоящим прецедентом независимости печати, пожалуй, самый яркий тому пример. Кроме того, к этому времени начинает складываться как целое социальная страта британского общества, которая будет играть яркую роль во второй половине XIX в., но в большей степени в XX и XXI вв. – класс, называемый *Intellectuals*, который Дж.С.Милль

характеризовал как «думающее меньшинство» и которое призвано «образовывать и улучшать массу» (см. о трактовке Миллем этого понятия [11, с. 239 – 360]).

В той же «О свободе» Милль пишет о том, что ведущий принцип организации свободного общества свободных людей – это *«абсолютная и существенная важность человеческого развития во всем его богатейшем разнообразии»* [выд. Миллем; 12, с. 5]. Более того, Милль, как и Смайлс, видит в этом условие совершенствования человеческого общества в целом. И здесь невозможно не обозначить столь очевидный для идеологии не только Милля, но и британского менталитета того времени в целом, акцент на важности условий формирования и совершенствования человеческого характера. В «Системе логики» Милль писал: *«Это верно, что наши характеры не меняются просто по желанию; наши характеры такие, какие они есть, в результате различных влияний и, следовательно, могут стать такими, какими мы хотели бы их видеть, если мы сможем подчинить себя каким-то другим влияниям, чтобы достичь этого. Мы можем влиять на наши характеры»* (цит. по [13, с. 106]).

Именно в акценте на характере и его важности как для становления и развития личности, так и динамики общества видится и очередная перекличка Милля и Смайлса, и совершенно очевидный (в отличие от Милля) прагматизм и даже практицизм рассуждений второго: *«Залогом свободы служит характер отдельных лиц; в нем находится нерушимое обезличенное общественное спокойствие и национального прогресса»* [3, с. 12]. А. Бриггс справедливо отмечал, что большинство героев книги Смайлса рисовались им в состоянии *«войны между естественными человеческими инстинктами и [их] социальными характерами»* [9, с. 131]. Он же в предисловии к изданию книги Смайлса в 1958 г. подчеркивал: *«Цель "Самопомощи" была четко сформулирована в "Автобиографии" Смайлса – "проиллюстрировать и усилить силу великого слова Джорджа Стефенесона "НАСТОЙЧИВОСТЬ"»* (выд. Бриггсом; цит. по [14, с. 8]). Добавим еще одну интенцию, которую Смайлс настойчиво реализует по ходу всей книги и которая сформулирована им в первой главе: *«Этот дух, вытекающий из убеждения о необходимости самому себе помогать, приучивший полагаться лишь на свои силы и выразившийся в энергических действиях лиц частных, всегда был характерной чертой англичан и может служить мерой их национального могущества»*. И далее он утверждает: *«Этот дух самопомощи, проявляющийся в энергичных действиях*

отдельных людей, во все времена был характерной чертой английского характера и служит истинным показателем нашей мощи как нации» [3, с. 14].

Всякий знакомящийся с книгой Смайлса, не может не обратить внимание на ее развернутое название: *«Self-Help with Illustrations of Conduct and Perseverance» («Самопомощь с иллюстрациями поведения и настойчивости»)*, которым автор настраивает читателя на то, что главная идея книги – призыв к человеку опираться на изначально заложенную в нем тягу к совершенству – будет не просто назидательно декларироваться, а будет обосновываться многочисленными примерами победы человека над обстоятельствами: столь присущая британскому мышлению индуктивность, идущая еще от Роджера Бэкона, проявлена со всей очевидностью. Книга Смайлса – это, с одной стороны, свод биографий выдающихся личностей в основном британской (реже – французской, итальянской, немецкой, американской) истории, чаще всего социальной и культурной, реже – политической, а с другой – это своеобразный «учебник жизни», «руководство к жизненному успеху» на примере достойных «образцов». Отметим, что помимо того, что практически в каждой главе есть примеры замечательных жизненных успехов, предпоследняя глава книги специально посвящена образцам такого рода и называется «Examples-Models». В книге Смайлса читаем: *«Воспитание характера – это в значительной степени вопрос образцов; мы неосознанно формируем себя в соответствии с характерами, манерами, привычками и мнениями тех, кто нас окружает. Хорошие правила могут многое сделать, но хорошие примеры — гораздо больше; ибо в последних мы получаем наставления к действию – мудрость в действии» [15, с. 432].* И если некоторые русские переводы-пересказы книги Смайлса, изымая обильную фактографию личностных успехов выдающихся британцев (и не только), превращают книгу в сборник афоризмов, как это произошло с харьковским 1867 г. изданием книги Смайлса, переизданным в Харькове в 2021 г., то полный текст книги построен типично по-британски: любому нравственно-дидактическому обобщению предшествует (реже за ним следует) большое количество примеров жизненных триумфов британцев с шекспировских времен вплоть до середины XIX в. Согласимся с А. Бриггсом, называвшим многие главы книги, посвященные конкретным людям из истории Британии, «true stories» и «tales» [9, с. 125]. Примечательно, что в главе IV книги примеры из жизни современников Смайлс называет анекдотами: «Anecdote of Sir Robert Peel's cultivation of memory»;

«Anecdote of Dr. Young»; «Anecdote of Audubon the ornithologist»; «Anecdote of Mr. Carlyle and his MS. of the 'French Revolution'» (см. [15, с. 111 – 139]). Анекдотами в те времена назывались примеры из жизни, рассказ о которых нес в себе основательную назидательную составляющую.

Обобщенно говоря, книгу Смайlsa можно назвать культурологическим и одновременно этологическим дискурсом. Общая, говоря современным языком, дидактико-дискурсивная нацеленность «Самопомощи» обуславливается еще и тем, что книга родилась из серии лекций, прочитанных С. Смайлсом в 1845 г. в так называемой Вечерней школе, организованной предпринимателями города Лидса, как утверждалось, для «взаимного совершенствования» (см. об этом [14, с. 8]).

В этом отношении нельзя не увидеть значительную перекличку книги Смайlsa с современным ему романом, который, как справедливо пишет Дейдре Дэвид, *«энергично участвовал в формировании индивидуальной и общественной (национальной) идентичности»* и именно в это время *«помогал формироваться мощным идеологическим установкам»* времени [16, с. 2]. Здесь же стоит вспомнить размышления одного из ведущих специалистов по викторианству и культуре периода Патрика Брантлингера, который писал: *«Изучая викторианскую культуру, независимо от того, с какой дисциплинарной точки зрения это делается, трудно не почувствовать, что все это были романы, или, по крайней мере, все это было в романах»* [17, с. 2]. А еще один ведущий современный исследователь викторианской литературы Фрэнсис О'Горман категоричен, утверждая: *«Эпоха была – и есть для многих – веком романа»* [18, с. 1].

В англистике (особенно – советской и постсоветской) прочно закрепилось мнение о повышенной критичности, а то и разоблачительности мировоспроизведения ведущих викторианских романистов – Ч. Диккенса, У. М. Теккерея, Э. Гаскелл, сестер Бронте, Джордж Элиот, Дж. Мередита, Т. Гарди. При этом в запале поиска социальной критики, сатирического начала нередко забывалась и мало осмыслялась их родовая связь со своим временем. Действительно, английские романисты XIX в. разоблачали многие теневые стороны викторианского социума и его морали. Однако, в конечном счете они, конструируя характеры и обстоятельства на основе своих наблюдений над «живой жизнью», не в меньшей степени, чем «апологет Смайлс» с его «тривиальностями», как писал об этологии Смайlsa Пол Эдельман в

книге «Викторианский радикализм»; см. [19, с. 5], воплощали основные приметы своего века, в том числе и викторианского этоса. Вместе с тем, «тривиальный» Смайлс вовсе не считал современное британское общество идеальным, сокрушаясь, например, в одной из своих работ, что в современной ему жизни «доминирует Невежество, поскольку Знание пока, увы, получило доступ к сознанию немногих» (цит. по [9, с. 132]).

Взять, например, сложное отношение многих писателей середины XIX в. к стремительному росту среднего класса и к широкому распространению его аксиологии, по своей сути буржуазной. Многие критические выпады названных выше писателей (и не только их) в адрес действительности, многие сатирические образы в их произведениях отражают очевидное критико-аналитическое осмысление возрастающей и порою даже агрессивной по своей наступательности идеологии среднего класса. Милль называл это господством срединности (если не сказать резче – посредственности) – *mediocrity*. Так, он писал о том, что общество движется к «единообразию, а следовательно, и срединности» (цит. по [20, с. 64]). В связи с этим трудно не заметить, насколько настойчиво Смайлс пишет о неизбежном успехе за счет упорного труда, жизненной энергии и настойчивости *всякого* человека, вовсе не обязательно талантливого и/или гениального. Торжество Герберта Покета и своего рода «уподобление» Пипа ему в конце романа – тому свидетельство, равно как и разоблачение мифа о *self-made man* в образе Баундербри из «Тяжелых времен». В известной степени в этом же ракурсе можно трактовать установку на «негероичность» («всяковость») героев как доминанты в английском романе 1850-х – 1860-х гг., что особенно очевидно у Энтони Троллопа и Дж. Элиот, да и у позднего Теккерея (сатирическая безгероичность «Ярмарки тщеславия» – это явление другого генезиса). Даже Т. Карлейль с его апологией героев и героичности как антитезиса негероичности времени сюда вписывается, особенно тогда, когда пишет о героическом в буднях. Именно поэтому и привлекает викторианцев концепция «героики скромных натур», по Миллю (см. его «Систему логики»); достаточно вспомнить концепцию торжествующего, в конечном счете, «маленького человека» и героев Диккенса, которые эту героику реализуют нередко на уровне чудачества: Соломон Джилз и капитан Каттль из «Домби и сын», Джо Гаджери и т. п., да и центральные персонажи Теккерея времен «Ньюкомов» или «Пенденниса» сюда вполне вписываются, хотя они и не из череды «маленьких людей»: полковник Ньюком или сам Артур Пенденнис, например. Смайлс пишет: «Хотя отдельный [читай: средний. – Б.П.]

человек и обладает сравнительно малым образованием, небольшими способностями и незначительным богатством, однако, если его характер высокого достоинства, то он всегда будет иметь значение, будь он из рабочих, счетоводом на рынке или членом высшей палаты парламента» [3, с. 251]. Отметим, что Смайлс постоянно подчеркивает первичность для жизненного успеха обладания человеком крепким характером, волей, упорством, настойчивостью и трудолюбием, а не гениальностью, талантом, блестящими способностями или происхождением: «Человек самый незаметный, самый не бросающийся в глаза, подавая пример труда, умеренности и честности своих стремлений, оказывает влияние на развитие благосостояния страны, потому что его жизнь и характер переходят бессознательно в жизнь других людей и служат образцом на будущее время» [3, с. 15 – 16].

Сэмюэль Смайлс одним из первых в то время высказал мысль о человеке как субъекте саморазвития, утверждая, что саморазвитие возможно только в деятельности и что оно в большей степени, чем что-либо другое, способствует жизненному успеху человека. Естественно, что Смайлс, а одновременно с ним и Милль, заговорили о возможности (и даже обязанности человека) саморазвития как одном из существенных результатов завоеванной личностью свободы. Речь идет о поступательном развитии (движении) человека и общества, поскольку почти все викторианцы, кроме, кстати, шотландца Карлейля, были прогрессистами, а саморазвитие, конечно же, невозможно без самопознания и даже аналитической самокритики и требовательности к себе.

В книге Смайлса немало места отведено размышлениям о роли воспитания и образования, при этом он подчеркивает: «Образование, полученное в школе или колледже, является лишь началом и ценно главным образом потому, что оно тренирует ум и приучает его к постоянному применению и учению. То, что вкладывается в нас другими, всегда в гораздо меньшей степени принадлежит нам, чем то, что мы приобретаем собственными прилежными и настойчивыми усилиями. Знания, завоеванные трудом, становятся достоянием — собственностью, полностью принадлежащей нам» [15, с. 369]. При этом Смайлс настойчив в утверждении, что «дух самопомощи, проявляющийся в энергичных действиях отдельных людей, во все времена был характерной чертой английского характера и служит истинным мерилom нашей мощи как нации» [Smiles 1925: 6]. Эта идея (само)совершенствования человека – и не под воздействием Бога, а в

силу заложенного в человеческой природе положительного начала – идея с локковскими корнями: вера Джона Локка в лучшее в человеческой природе, в возможности, заложенные в человеке, в том числе и ментальные, – одна из краеугольных в его «Опыте о человеческом разумении» (1690) (см. [21, с. 32 – 35]). Она как нельзя больше согласуется, повторим, с главной мыслью Смайлса: самосовершенствование человека как неперемнное условие совершенства общества. Необходимо подчеркнуть, что наблюдения и выводы Смайлса – порождение его средневикторианского времени, пика викторианства, «триумфальных годов британской уверенности в себе» [4, с. 5].

Завершается книга XIII главой под названием «Характер: истинный джентльмен» (*Character: the True Gentleman*). Подводя итоги рассуждениям о жизненном успехе и многочисленным примерам подобного триумфа, Смайлс еще раз делает акцент на том, что названные и не названные им «герои жизни» стали таковыми благодаря проявлению лучших своих качеств, упорству, настойчивости и напряженному труду. Они не только достигли вершин общества и заслужили его признание, но поспособствовали улучшению жизни в целом, создав новое понятие благородства человека, когда джентльменство уже не прерогатива только класса аристократов, а социально и культурно широкое явление. Потому и Пип из «Больших надежд», и Джон Торнтон из «Севера и юга» Э. Гаскелл, и Доротея Брук, Уилл Ладислав, Фред Винси и даже вроде потерпевший поражение в сражении с природными инстинктами Терциус Лидгейт из «Миддлмарча» Джордж Элиот, и обретшие жизненное благополучие Пол Монтегю из «Как мы теперь живем» и Финиас Финн из дилогии Троллопа и пр. протагонисты многих викторианских романов утверждают джентльменство не столько в его классовом, сколько в нравственном и даже общечеловеческом смысле.

«Самопомощь» – первая часть своего рода «тетралогии» С.Смайлса, в которую обычно включают «Характер» (*Character*, 1871), Бережливость (*Thrift*, 1875) и «Обязанность» (*Duty*, 1880). Это собрание книг, осмысляющих и формулирующих основные нравственные категории викторианской эпохи. Нет сомнений, эти произведения, аккумулирующие дух эпохи, вербализирующие многие идеи и представления времени, «витавшие в воздухе», отражающие самый дух викторианства, ядром которого становится новая аксиология (система нравственно-социальных ценностей), основывающаяся на подверстанных под ценностные парадигмы набравшего социальную мощь среднего класса ценности

аристократии и джентри. Здесь не трудно согласиться с историками, утверждавшими, что викторианские времена «в битве между человеком, сделавшим себя сам, и джентльменом человек, сделавший себя сам, побеждал только в том случае, если он сам становился джентльменом или пытался превратить в него своего сына» [9, с. 142]. Правда, сам Смайлс видел в этом поклонении «добуржуазному» благородству (по определению Бриггса) проявление снобизма, но и он не смог остановить процесс «оаристокрачивания» среднего класса, а значит и всего викторианского образа жизни (и обратный процесс «обуржуазивания» аристократии и джентри: Виктория – королева-буржуа – впечатляющий этому пример).

Повторим, Смайлс идеализировал и мифологизировал образ жизни и ценности своего времени; британская реальность невероятно динамично развивалась, и уже в конце века Виктории идеология, легшая в основу взглядов Смайлса, устарела, появлялось поколение, которое в ближайшее время будет весьма саркастически, если не сказать больше, относиться к ним, они станут предметом сатирического осмысления, причем, как опять-таки покажет время, порою излишнего и даже несправделивого. Достаточно вспомнить «Именитых викторианцев» (*Eminent Victorians*, 1918) Дж. Литтона Стрейчи – книгу, по сути, открывшую эпоху, как казалось многим, прощания с викторианством.

Список использованных источников

1. Диккенс, Ч. Большие надежды / Ч. Диккенс. – М.: Художественная литература, 1987. – 384 с.
2. Карлейль, Т. Этика жизни. / Карлейль, Т. // Пер. с англ. Е.Синерукой. – СПб., 1906. // URL: Режим доступа: http://www.marsexx.ru/lit/karlel-etika_zhizni.html (дата обращения: 11. 12. 2023).
3. Смайлс, С. Самопомощь / С. Смайлс. – Харьков: Литера Нова, 2021. – 289 с.
4. Purchase, S. Key Concepts in Victorian Literature / S. Purchase. – London: Palgrave Macmillan, 2006. – 282 p.
5. Брикс, Дж. Человеческое творчество и творческая эволюция / Дж. Брикс // Культурология. – 2002. – № 2. – С. 7 – 10.
6. Houghton, W. E. The Victorian Frame of Mind, 1830 – 1870 / W. E. Houghton. – New Haven, London: Yale University Press, 1985. – 467 p.
7. Фадеева, Л.А. Образ викторианской эпохи в коллективной памяти англичан / Л. А. Фадеева // Альманах интеллектуальной истории. – 1999. – № 1. – С.152 – 169.
8. Willey, B. Nineteenth Century Studies. Coleridge to Matthew Arnold. – London: Chatto and Windus, 1949. – 288 p.
9. Briggs, A. Victorian People. A Reassessment of Persons and Themes. 1851 – 1867

- / A. Briggs. – London: Penguin Books, 1965. – 320 p.
10. Churchill, W. A History of the English Speaking Peoples. In 4 volumes / Churchill, W. – New York: Bantan Books, INC., 1963. Volume 4. – 320 p.
 11. Thomas, W. Mill / W. Thomas // Great Political Thinkers. – Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 239 – 360.
 12. Mill, J. S. «On Liberty» and Other Essays / J. S. Mill. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – 592 p.
 13. Ryan, A. The Philosophy of John Stuart Mill / A. Ryan. – London: Macmillan, 1970. – 268 p.
 14. Smiles, S. Self-Help; with Illustrations of Conduct and Perseverance / S. Smiles. – London: J. Murray, 1958. – 386 p.
 15. Smiles, S. Self-Help with Illustrations of Conduct and Perseverance / S. Smiles. – London: John Murray, 1925. – 488 p.
 16. The Cambridge Companion to the Victorian Novel / Ed. by Deidre David. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 267 p.
 17. A Companion to the Victorian Novel / Ed. by Patrick Brantlinger and William B. Thesaurig. – Oxford: Blackwell Publishing, 2002 – 528 p.
 18. The Victorian Novel / Ed. by Francis O'Gorman. – Oxford: Blackwell Publishing, 2002. – 344 p.
 19. Adelman, P. Victorian Radicalism: the middle class experience, 1830 – 1914 / P. Adelman. – London, New York: Longman, 1984. – 190 p.
 20. Reform and Intellectual Debate in Victorian England / Ed. by Barbara Dennis and David Skilton. – London; New York: Croom Helm in association with Methuen, 1987. – 223 p.
 21. Елистратова, А. А. Английская литература / А. А. Елистратова // История всемирной литературы в 9 т. – М.: Наука, 1988. Т. 5. – С. 32 – 86.

Т. М. Хацкевич

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА «НОМЕР11» ДЖОНАТАНА КОУ

Роман «Номер 11» («*Number 11*», 2015) Джонатана Коу (*Jonathan Coe*, *род. 1961*) представляет собой продолжение романа «Какое надувательство!» («*What A Carve Up!*», 1994), повествующего о могущественном семействе Великобритании Уиншоу. Однако продолжением произведение является не в подлинном смысле, так как представителю влиятельного семейства отводится второстепенная роль, акценты расставлены на результате деятельности коррумпированного клана. Благодаря воспоминаниям главной героини, читатель знакомится с социально-политической повесткой страны накануне войны в Ираке. Главная героиня, переживающая все последствия войны, вызванной корыстью высших классов, в социальной, экономической, политической